

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 81`23

¹ Алыбин Е.А.,

¹Московская международная академия

Когнитивно-эмоциональные особенности самоидентификации во вторичной языковой личности: психолингвистический анализ

Аннотация: в статье рассматриваются когнитивные и эмоциональные аспекты формирования вторичной языковой личности у билингвов. Актуальность работы обусловлена глобализацией и ростом числа людей, владеющих двумя и более языками, что ставит новые вопросы о влиянии второго языка на самоидентификацию. В теоретическом обзоре обобщены современные представления о «вторичной языковой личности» – личности, приобщенной к иной языковой культуре. Отмечены когнитивные особенности (изменения в восприятии мира, чертах личности, принятии решений) и эмоциональные особенности (специфика выражения эмоций, феномен «чувства себя другим человеком» при смене языка) формирования двуязычной идентичности. Представлено эмпирическое исследование с участием русско-английских билингвов (N=60), включавшее опросники самоописания личности в первом и втором языках, шкалы эмоциональной экспрессии и идентичности. Результаты показывают, что у испытуемых наблюдаются статистически значимые различия в самооценке ряда личностных черт в зависимости от языка коммуникации, а также изменяется эмоциональная вовлеченность: во втором языке эмоции выражаются с меньшей интенсивностью. Многие билингвы сообщают о субъективном ощущении изменения своей личности при переключении на другой язык. Обсуждаются психологические механизмы этих эффектов – активация разных культурных рамок, снижение эмоциональной реактивности во втором языке – и степень, в которой интеграция двух культур смягчает различия. Сделан вывод о практической значимости учета когнитивно-эмоциональных факторов в обучении языкам и психологической поддержке билингвов. **Практическая значимость** работы состоит в том, что понимание когнитивно-эмоциональных особенностей вторичной языковой личности может быть использовано при разработке программ межкультурного образования и психолингвистического сопровождения билингвов, способствуя более гармоничному развитию двуязычной идентичности.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, билингвизм, самоидентификация, эмоции, когнитивные процессы, психолингвистика

Для цитирования: Алыбин Е.А. Когнитивно-эмоциональные особенности самоидентификации во вторичной языковой личности: психолингвистический анализ // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 85 – 92.

Поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Alybin E.A.,

¹ Moscow International Academy

Cognitive and emotional features of self-identification in a secondary language personality: a psycholinguistic analysis

Abstract: this article examines the cognitive and emotional aspects of secondary language personality formation in bilingual individuals. The relevance stems from globalization and the growing number of people who speak two or more languages, which raises new questions about the influence of a second language on self-

identification. The theoretical overview summarizes current concepts of the “secondary language personality” – a personality acculturated into another linguistic culture. The cognitive features (changes in worldview, personality traits, decision-making) and emotional features (specifics of emotional expression, the phenomenon of “feeling different” when switching languages) of developing a bilingual identity are noted. An empirical study with Russian-English bilinguals (N=60) is presented, including self-report questionnaires on personality in the first vs. second language, scales of emotional expressivity, and identity. The results show statistically significant differences in self-assessment of certain personality traits depending on the language of communication, as well as changes in emotional engagement: in the second language, emotions are expressed with less intensity. Many bilinguals reported a subjective feeling of a shift in their personality when switching languages. The psychological mechanisms of these effects – activation of different cultural frameworks and reduced emotional reactivity in the second language – are discussed, as is the extent to which integration of two cultures mitigates the differences. **The practical significance** lies in considering cognitive-emotional factors in language education and bilingual support, to foster more harmonious bilingual identity development.

Keywords: secondary language personality, bilingualism, self-identification, emotions, cognitive processes, psycholinguistics

For citation: Alybin E.A. Cognitive and emotional features of self-identification in a secondary language personality: a psycholinguistic analysis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 85 – 92.

The article was submitted: March 5, 2025; Approved after reviewing: May 8, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В условиях глобализации и интенсивных межкультурных контактов все больше людей приобретают опыт двуязычия. Современные билингвы представляют собой растущий сегмент общества, интегрированный сразу в две языково-культурные системы [2]. Это актуализирует проблему формирования *вторичной языковой личности* – феномена, при котором индивид, овладевая новым языком, осваивает ценности и категории иной культуры. Термин «вторичная языковая личность» введен Ю.Н. Карауловым (1989) для обозначения личности, приобщенной к культуре народа, язык которого изучается [1]. В психолингвистике под этим понимается уровень владения иностранным языком, при котором языковая личность способна средствами второго языка отражать картину мира и реализовывать коммуникативные намерения. По меткому выражению И.И. Халеевой, сформированная вторичная языковая личность – это личность, способная проникать в «дух» изучаемого языка и «плоть» культуры носителей этого языка [1]. Иными словами, вторичная языковая личность не ограничивается техническим двуязычием, а включает глубокое усвоение культурно-ценностных смыслов второго языка.

Самоидентификация билингва во многом зависит от когнитивной и эмоциональной перестройки, происходящей при овладении вторым языком. Когнитивные изменения включают расширение концептуальной картины мира, появление новых категорий и понятий. Известно, что язык является важным компонентом культуры и может влиять на

восприятие и оценку окружающей действительности [5]. Например, билингвы могут демонстрировать разные результаты в тестах личности в зависимости от языка проведения: предыдущие исследования показали, что самоотчеты о чертах характера у многоязычных людей варьируют между языковыми контекстами [5]. В частности, уровень экстраверсии у билингва может быть выше при описании себя на доминирующем языке [5]. Современные данные также свидетельствуют о том, что эмоциональный интеллект и восприятие эмоций в разных языках существенно зависят от языковой компетенции и контекста использования второго языка, что влияет на когнитивно-эмоциональную адаптацию билингвов [9]. Это явление объясняется эффектом смены культурного фрейма: переключение языка актуализирует связанный с ним пласт культурных норм и поведенческих стереотипов, что влияет на самоощущение личности.

Кроме того, изучение второго языка затрагивает эмоциональную сферу. Билингвы нередко отмечают, что выражение чувств на неродном языке ощущается иначе, чем на родном. Исследования подтверждают, что высказывания с эмоциональной нагрузкой (например, признания в любви, ругательства) воспринимаются менее эмоционально значимыми на иностранном языке [7]. Билингв часто “эмоционально дистанцирован” во втором языке: эмоциональные фразы на L2 субъективно резонируют слабее, чем на L1 [3]. Снижение эмоциональной реактивности проявляется и в поведении – так, принятие моральных решений может

меняться при использовании иностранного языка. Например, показано, что люди склонны принимать более рациональные, утилитарные решения на иностранном языке, что связано с ослаблением интуитивных эмоциональных откликов [4]. Повышенная “психологическая дистанция” второго языка уменьшает влияние эмоций на суждения, усиливая рационально-аналитический компонент мышления. При этом уровень эмоциональной адаптации билингвов тесно связан с их культурными и биологическими особенностями, что подчеркивает сложную интеграцию эмоций и культуры в процессе формирования вторичной языковой личности [10].

Помимо когнитивных сдвигов и эмоциональной дистанции, важным аспектом является субъективное переживание самоидентификации в разных языках. Многие двуязычные сообщают о феномене “чувства себя другим человеком” при переключении кода. Недавние работы показывают, что это ощущение является не просто фигурой речи, а реально отражает смену актуализируемых ценностей и поведенческих паттернов [2]. Так, в другом языковом окружении билингв может чувствовать себя более раскованным или, напротив, более сдержанным, что связано с внутренним принятием норм соответствующей культуры. Интересно, что само переживание “двойственности” личности может иметь двойственный эффект: с одной стороны, некоторые билингвы отмечают чувство отчуждения или «раздвоенности», с другой – большинство воспринимает этот опыт как обогащающий, дающий более широкое самопонимание [2]. В целом, двуязычие создает уникальную ситуацию, когда одна и та же личность функционирует в разных когнитивно-эмоциональных режимах, что предоставляет богатый материал для психолингвистического анализа.

Ряд исследований последнего десятилетия фокусируется на отдельных аспектах этой проблемы – когнитивных преимуществах билингвизма, эмоциональной экспрессии, культурной идентичности. Однако до сих пор недостаточно интегрированных работ, учитывающих одновременно когнитивные и эмоциональные особенности формирования двуязычной личности [6]. В частности, отмечается, что традиционно внимание уделялось когнитивным процессам билингвов, тогда как мотивационно-эмоциональная сфера и вопросы самоидентификации изучены менее полно [6]. Данная работа призвана заполнить этот пробел, объединив данные психолингвистики и когнитивной психологии для анализа самоидентификации во вторичной языковой личности.

Цель исследования – выявить, каким образом когнитивные и эмоциональные факторы проявляются в процессе становления вторичной языковой личности. **Гипотеза** состояла в том, что овладение вторым языком сопровождается: 1) когнитивными изменениями в образе “Я” (вариативностью самописания черт личности, возможным смещением стиля принятия решений в иностранном языке) и 2) эмоциональными изменениями (снижением эмоциональной интенсивности при коммуникации на L2, ощущением иной самоидентичности). Предполагалось также, что степень выраженности этих эффектов связана с уровнем интеграции культурной идентичности: билингвы, гармонично совмещающие обе культуры, будут испытывать менее резкое различие между “я в L1” и “я в L2”.

Материалы и методы исследований

Выборка. В исследовании приняли участие 60 русско-английских билингвов (35 женщин и 25 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 24.1$, $SD = 4.3$). Все участники – русскоязычные респонденты, начинавшие изучение английского языка в школьном возрасте (в среднем с 10 лет) и продолжавшие его освоение вплоть до продвинутого уровня. Критерием включения было свободное владение английским (уровень не ниже B2 по CEFR); 40% выборки имели опыт длительного (>6 месяцев) проживания или обучения в англоязычной среде. Таким образом, большинство участников можно охарактеризовать как поздних последовательных билингвов с доминирующим русским языком.

Испытуемые заполняли серию онлайн-опросников на двух языках (русском и английском). Чтобы нивелировать порядок влияния, половине выборки сначала предлагались формы на русском, затем на английском, другой половине – в обратном порядке. В перерыве между заполнением на разных языках делался интервал ~1 час, чтобы уменьшить перенос настроения и самосознания.

Каждый участник последовательно выполнил следующие методики:

- **Опросник личности Big Five** – сокращенная версия Big Five Inventory (BFI-10), адаптированная на русский и английский язык. Испытуемые дважды (на русском и на английском) оценивали степень выраженности у себя 10 характеристик по шкале от 1 до 5. По результатам рассчитывались баллы по пяти факторам личности: экстраверсия, доброжелательность (агреабельность), добросовестность (конциентиозность), нейротизм и открытость новому опыту. Разница между русскоязычной и англоязычной самоперцепцией ин-

терпретировалась как индикатор когнитивного сдвига образа “Я” при смене языкового кода.

- **Шкала эмоциональной экспрессии.** Авторская шкала из 8 утверждений для самооценки особенностей выражения эмоций в первом и втором языках. Примеры утверждений: «Мне легче выразить любовь и нежность на [русском/английском]», «Ругательства/брань естественнее звучат для меня на [русском/английском]», «Когда я злюсь, мне проще высказаться на...». Оценка по 5-балльной шкале (1 – гораздо легче на русском, 5 – гораздо легче на английском; 3 – одинаково). Шкала позволяла выявить смещение эмоционального комфорта: средний балл >3 отражает относительную легкость экспрессии эмоций на L2 по сравнению с L1 (и наоборот). Надёжность шкалы удовлетворительная ($\alpha = 0.79$).

- **Анкета языковой идентичности.** Включала открытые и закрытые вопросы о самоощущении личности в двух языках. В том числе: бинарный вопрос «Чувствуете ли Вы себя *иным человеком*, говоря на английском, нежели на русском?»; шкала от 0 до 10 для оценки степени этого чувства (0 – совсем не чувствую различий, 10 – чувствую себя совершенно другим); открытый вопрос «Если Вы ощущаете различия в своем поведении или характере при переключении на другой язык, опишите их». Также респонденты отмечали степень идентификации с каждой культурой (русской и англоязычной) по шкале от 0 (совсем не ощущаю себя принадлежащим к данной культуре) до 10 (полностью ощущаю принадлежность). Этот блок позволил собрать как количественные, так и качественные данные о субъективном опыте билингвов.

Количественные показатели (баллы BFI, индексы экспрессии, оценки идентичности) сравнивались между условиями L1 vs L2 с помощью критериев t-Стьюдента для зависимых выборок. Также вычислялись корреляции Пирсона между степенью различия в личности и такими переменными, как возраст начала изучения L2, длительность погружения в культуру L2, уровень идентификации с англоязычной культурой. Открытые ответы были подвергнуты содержательному анализу: с помощью тематического кодирования выделены повторяющиеся мотивы в описаниях переживаний. Статистическая обработка выполнена в SPSS 26.0; значимость критериев проверялась при $p < 0.05$.

Результаты и обсуждения

Различия в чертах личности в родном и иностранном языке. Сопоставление профилей Big Five, полученных на русском и английском языках, выявило ряд существенных отличий. Прежде

всего, **экстраверсия** оказалась значительно ниже при самоописании на английском: средний балл по фактору Экстраверсия в русском варианте – 3.44, в английском – 3.12 ($t(59)=2.85$, $p=0.006$). Аналогичная тенденция наблюдалась по фактору **доброжелательности** (Agreeableness): 3.67 на русском vs 3.45 на английском ($t(59)=2.10$, $p=0.040$). Иными словами, участники характеризовали себя как менее общительных и несколько менее мягких в коммуникации, когда описание требовалось дать на неродном языке. Различия по другим чертам не достигли статистической значимости, хотя баллы **нейротизма** были чуть выше в английском (то есть испытуемые чуть более нервными и тревожными видели себя в L2, чем в L1), а **открытость опыту** – наоборот, немного выше в русском варианте. **Добросовестность** (Conscientiousness) практически не изменилась между языками.

Таким образом, гипотеза о вариативности образа “Я” нашла подтверждение на уровнях экстраверсии и agreeableness. Доминирующий русский язык, по-видимому, ассоциировался у испытуемых с большим комфортом и уверенностью при описании социальных аспектов личности, тогда как на английском они несколько “снижали планку” своей общительности. Этот результат согласуется с данными, полученными на выборках испанско-английских билингвов, где доминирование языка коррелировало с уровнем экстраверсии: более высокая экстраверсия проявляется на доминантном языке [5]. В нашем случае доминантным для большинства являлся русский, что и отразилось в более высоких оценках экстраверсии именно в русском контексте. Интересно, что по шкале доброжелательности разница также была в пользу L1 – возможно, на иностранном языке некоторые участники чувствовали себя менее уверенно в социальных взаимодействиях, что отражено в слегка более низкой самооценке умения ладить с другими.

Эмоциональная экспрессия и психологическая дистанция. Анализ данных шкалы экспрессии подтвердил, что родной язык обладает для билингвов большей эмоциональной «емкостью». По совокупности 8 утверждений средний интегральный индекс эмоционального комфорта составил $M=2.28$ ($SD=0.57$), существенно ниже нейтрального уровня 3 ($t(59)=-8.95$, $p<0.001$). Это означает явный перевес в сторону русского языка при выражении эмоций: участники, в среднем, значительно легче проявляют чувства именно на родном языке. Например, **65%** опрошенных указали, что “гораздо легче” или “скорее легче” говорить о любви и привязанности по-русски, тогда как только **10%** предпочли английский (остальные не уви-

дели разницы). Схожие результаты получены для выражения гнева и раздражения: **53%** отметили, что естественнее выплеснуть злость на русском, лишь **15%** – на английском. Также **70%** респондентов согласились, что им привычнее употреблять нецензурную лексику на родном языке, чем на иностранном. Эти цифры подтверждают феномен эмоциональной асимметрии: второй язык в меньшей степени задействует глубинные эмоциональные пласты личности.

Дополнительный интерес представляет обратная сторона — ситуации, где выражение эмоций на L2 дается легче. Небольшая часть участников (около 20%) указали, что им проще извиняться или обсуждать неприятные/травмирующие события на английском. В ответах отмечалось, что «на английском как будто не так больно вспоминать некоторые вещи» или «ругаться на английском менее обидно». Эти наблюдения соответствуют концепции эмоциональной дистанции: иностранный язык создает ощущение отстраненности, снижая эмоциональный «заряд» слов [3]. В результате говорить о тяжелых переживаниях или интимных темах на L2 бывает психологически легче, словно это происходит не совсем с «настоящим мной».

Интересно, что обнаружилась и объективная иллюстрация сниженной эмоциональной реактивности на L2. В рамках исследования участникам предлагалась гипотетическая моральная дилемма (модифицированная задача «проблема вагонетки»), сформулированная либо на русском, либо на английском языке (случайно, между испытуемыми). Выяснилось, что среди тех, кто читал сценарий на английском, **72%** выбрали утилитарный вариант решения (пожертвовать одного ради спасения пяти), тогда как в русскоязычной формулировке лишь **53%** приняли такое решение. Несмотря на ограниченный характер этой проверки, тенденция согласуется с данными зарубежных экспериментов: использование иностранного языка действительно повышает долю утилитарных суждений [4]. Можно полагать, что мышление на неродном языке протекает более рационально, с меньшим влиянием спонтанных эмоций, что и отражается в моральном выборе.

Субъективное ощущение “двойной” идентичности. Согласно данным анкеты, большинство билингвов осознают определенные различия в своем облике или поведении при смене языка. Прямой вопрос «Чувствуете ли Вы себя другим человеком на английском (по сравнению с русским)?» положительно (варианты «скорее да» или «определенно да») оценили **58%** респондентов. При этом лишь **15%** выбрали категорическое «нет, совершенно не чувствую». Оценка степени этого

ощущения по шкале от 0 до 10 дала среднее $M = 5.8$ ($SD = 2.7$), то есть в целом умеренно выраженное чувство “другого Я”.

Качественный анализ описаний помог раскрыть, в чем именно испытуемые видят отличие своих двух языковых “Я”. Наиболее частые комментарии: **повышение застенчивости/неуверенности** на английском – это упомянули 40% участников («в общении на английском я более тихий, меньше шучу»); напротив, **усиление раскованности, эмоциональности** на английском – ~25% («на английском я могу позволить себе выражать эмоции ярче, чем на родном»). Такая разнородность связана с индивидуальным опытом: те, кто длительно жил в англоязычной среде или хорошо встроены в англокультурное сообщество, чаще отмечали положительные изменения (“становлюсь более улыбчивым, дружелюбным”). Те же, чей опыт общения на L2 ограничен официально-деловыми ситуациями (учеба, работа), чаще говорили об скованности.

Отдельная группа различий касалась стиля общения. **30%** респондентов указали, что на английском они более вежливы и политкорректны, чем на русском («на русском могу резко высказаться, а по-английски всегда держусь вежливо»). Это можно связать с усвоением норм англоязычного коммуникативного этикета, который, как известно, подразумевает большее количество “smiles” и вербальной дружелюбности. Также упоминались изменения голоса и языка тела: несколько человек отметили, что даже тембр голоса у них меняется, когда говорят по-английски, а жесты становятся более сдержанными.

Стоит подчеркнуть, что не все участники воспринимали свои два облика как конфликтующие. На вопрос, причиняет ли им дискомфорт ощущение «двойственности», большинство отвечало отрицательно. Многие подчеркивали, что рассматривают своё билингвальное Я как единое, просто проявляющееся по-разному в разных условиях. Например, один участник написал: «На английском я чувствую другую сторону моей личности, но это дополняет, а не противоречит моему основному Я». Таким образом, для многих билингвов характерно явление *двойной идентичности*, сочетающей элементы обеих культур. Те, кто набрал высокие баллы идентификации и с русской, и с англоязычной культурами (т.е. фактически дву-культурные личности), сообщали о меньшем контрасте между своими языковыми образами. Напротив, участники, сохраняющие исключительно русскую идентичность и лишь инструментально пользующиеся английским, чаще ощущали, что «на английском это как не я, а роль».

Полученные результаты в целом подтверждают, что процесс формирования вторичной языковой личности сопряжен со значимыми когнитивными и эмоциональными трансформациями. Приобретение нового языка – это не только обогащение когнитивной сферы (новые знания, концепты, навыки общения), но и перестройка некоторых аспектов *Я-концепции* и аффективной регуляции. Наши данные согласуются с концепцией культурно-специфической активации личности у билингвов. Согласно теории *cultural frame switching*, двуязычные индивиды переключаются между различными культурно-когнитивными рамками в зависимости от языка общения [8]. В нашем исследовании это проявилось через вариативность черт личности: на родном языке испытуемые демонстрировали профиль, ближе соответствующий своей исходной культуре, тогда как на втором языке – профиль, смещенный под влиянием западного (англо-американского) культурного контекста. Так, снижение экстраверсии и доброжелательности в английском самоописании русских участников может отражать относительную эмоциональную сдержанность и индивидуализм, присущие англосаксонской коммуникации, либо просто меньшую уверенность говорящего не на своем языке.

Важным результатом является подтверждение феномена эмоциональной депотенциации второго языка. Участники гораздо менее эмоционально реагировали в L2, что проявилось как в субъективных отчетах (трудности выразить чувства, ощущение “отстраненности”), так и в поведении (более рациональные решения на английском в моральной дилемме). Этот эффект широко описан в литературе: например, билингвы часто признаются, что ругательства или интимные высказывания на неродном языке “не задевают за живое” [7]. Считается, что родной язык связывается с эмоциями еще в детстве, через многочисленные эпизоды эмоционального опыта, тогда как второй язык чаще осваивается в более формальных контекстах [3]. Поэтому L1 обладает прочными ассоциативными связями с эмоциональной памятью, а L2 – более “холоден”. Психофизиологические исследования подтверждают это: например, при восприятии эмоционально значимых слов (табу, оскорблений) у билингвов отмечается более выраженная реакция (повышение кожно-гальванической реакции, активация миндалевидного тела мозга) на родном языке по сравнению с иностранным [3]. Наши поведенческие данные согласуются с данной картиной.

Интересно рассмотреть практические следствия эмоциональной дистанции. С одной стороны, это

может давать билингву определенное преимущество в стрессовых ситуациях – мыслить на иностранном языке более трезво, с меньшим влиянием страха или гнева. Это подтверждается и обнаруженным нами различием в моральном решении: на английском участники более спокойно взвешивали утилитарные последствия, в то время как на русском эмоциональный импульс “не убивать” был сильнее. С другой стороны, эмоциональная отстраненность может затруднять искренность и глубину общения на L2, особенно в межличностных отношениях. Многие участники отмечали, что чувствуют себя менее эмоционально включенными в беседу на английском, как будто между ними и собеседником существует барьер. Это потенциально может снижать уровень эмпатии и взаимопонимания в межкультурной коммуникации. Тем не менее, важно отметить: по мере повышения владения языком и интеграции в культуру L2, эмоциональная отзывчивость, как правило, возрастает. В наших данных более опытные билингвы (рано начавшие изучение языка, долго жившие за рубежом) сообщали о меньших проблемах с выражением эмоций на английском и меньшей разнице в чувстве себя. Это обнадеживает: эмоциональная сторона вторичной языковой личности развивается и обогащается со временем, а “оттепель” эмоций наступает по мере превращения чужого языка в свой.

Что касается самоидентификации, наше исследование подтвердило сложность и многогранность данного феномена. Большинство билингвов ощущают, что второй язык привносит в их личность новые оттенки. По сути, формируется *двойная идентичность*, объединяющая элементы первой культуры (L1) и второй (L2). Этот процесс описывается понятием *bicultural identity integration* – интегрированности двух культурных идентичностей. Высокая интегрированность означает, что человек воспринимает свои две принадлежности как совместимые и взаимодополняющие, тогда как при низкой – испытывает конфликт и раздельность двух “Я” [2]. Наши результаты демонстрируют примеры и того, и другого. Некоторые участники явно разделяют “русское меня” и “английское меня”, чувствуя между ними дистанцию. Другие же сумели соединить эти образы: они признают различия в поведении, но не воспринимают их как разрыв личности.

Отмеченное влияние культурной идентификации на степень различия подтверждает: чем более успешно индивид осваивает вторую культурную систему, тем цельнее становится его двуязычная личность. И наоборот, если второй язык остается внешним инструментом, не подкрепленным эмо-

ционально-культурной вовлеченностью, то и личностные проявления в нем ощущаются как не полностью свои. Этот вывод согласуется с работами по аккультурации: принятие новой культуры (например, через развитие чувства принадлежности к ней) смягчает стресс двуязычной идентичности и способствует благополучию билингва [2].

Важно подчеркнуть, что двуязычие – не дефект и не угроза целостности личности, а скорее расширение ее репертуара. Многие наши испытуемые указывали на положительные стороны своего опыта: «это как иметь две перспективы на мир», «я чувствую, что у меня больше возможностей выражать себя». Более того, существуют данные, что многоязычие может способствовать развитию некоторых когнитивных и личностных качеств. В частности, ряд исследований выявил небольшое преимущество билингвов по уровню эмоционального интеллекта и эмпатии [7]. Например, билингвы демонстрируют более высокие показатели по шкалам благополучия, эмоциональности и общительности по сравнению с монолингвами [7]. Это связывают с тем, что освоение нескольких языков расширяет эмоциональный словарь и гибкость мышления, что положительно сказывается на способности понимать себя и других [7]. Наши респонденты с высокой двуязычной компетентностью часто упоминали, что переключение между языками помогает им смотреть на проблемы под разными углами и лучше контролировать свои эмоции. Таким образом, вторичная языковая личность может обладать не только уникальными трудностями, но и ресурсами развития.

Выводы

Формирование вторичной языковой личности – сложный психолингвистический процесс, сочетающий овладение новым кодом общения с перестройкой некоторых аспектов самосознания. В ходе исследования подтверждено, что овладение вторым языком влияет как на когнитивные характеристики личности (восприятие себя, стиль мышления), так и на эмоциональные (способность выражать и переживать эмоции). Выявлено, что в контексте иностранного языка испытуемые несколько иначе воспринимают свои черты характера (например, снижение экстраверсии и уступчивости), а также испытывают ослабление эмоциональной насыщенности коммуникации. Одновременно обнаружено, что многие билингвы приобретают *двойную самоидентичность*, включающую элементы обеих культурных систем.

Результаты подтверждают выдвинутую гипоте-

зу о наличии специфических когнитивно-эмоциональных проявлений вторичной языковой личности. Второй язык действительно может “сдвигать” некоторые параметры поведения и самовосприятия, но эти изменения не носят патологического характера, а отражают адаптацию личности к новой культурно-речевой среде. Теоретическое значение полученных данных состоит в углублении понимания механизмов культурно-языкового влияния на психику индивида, в частности в подтверждении феномена культурно-языкового переключения личности и эмоциональной депотенциации L2.

Практическая значимость работы заключается в ряде рекомендаций. В области обучения иностранным языкам важно уделять внимание не только развитию языковой компетенции, но и поддержке личностной интеграции учащихся. Преподавателям полезно знать, что студенты могут чувствовать себя менее уверенно или “не собой” при использовании языка – создание психологически комфортной атмосферы, поощрение выражения эмоций на изучаемом языке, обсуждение культурных ценностей целевого языка помогут снизить этот дискомфорт. Также, осведомленность о когнитивно-эмоциональных особенностях билингвов важна для психологов и консультантов, работающих с мигрантами или людьми, живущими в двуязычной среде. Например, терапевтическая беседа на родном языке клиента может быть эмоционально более продуктивной, тогда как обсуждение травмирующих событий на втором языке иногда позволяет снизить болезненность переживаний. Понимание того, что смена языка может временно изменять поведение человека, полезно и для самих билингвов – осознав природу своих ощущений, они легче преодолевают возможные кризисы идентичности.

В перспективе дальнейшие исследования вторичной языковой личности могут включать расширение выборок (разные комбинации языков, разные возрастные группы билингвов) и использование междисциплинарных методов (например, нейролингвистических). Это позволит более полно раскрыть потенциал билингвизма для развития человеческой личности. Совокупность когнитивных и эмоциональных приобретений, приносимых вторым языком, делает билингва носителем уникального опыта “жизни в двух мирах”, и изучение этого опыта обогащает как лингвистику, так и психологию личности.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2019. № 1. С. 174 – 194.
3. Alqarni Nawaf Mohammed, Dewaele Jean-Marc. Bilingualism and emotional competence: evidence from Saudi Arabic-English speakers // International Journal of Bilingualism. 2018. Vol. 22. Issue 5. P. 530 – 546.
4. Caldwell-Harris Catherine L. Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Article 1055.
5. Costa Albert, Foucart Alice, Hayakawa Sayuri et al. Your morals depend on language // Public Library of Science ONE (PLoS ONE). 2014. Vol. 9. Issue 4. Article e94842.
6. Gianola Michael, Llabre Maria M., Losin Emily A.R. Language dominance and cultural identity predict variation in self-reported personality in English and Spanish among Hispanic/Latino bilingual adults // Journal of Personality Assessment. 2025. Vol. 107. Issue 3. P. 361 – 373.
7. Hong Ying-yi, Morris Michael W., Chiu Chi-yue, Benet-Martínez Veronica Multicultural minds: A dynamic constructivist approach to culture and cognition // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 7. P. 709 – 720.
8. Matsumoto David, Hwang Hyisung S. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. № 1. P. 134 – 153.
9. Ożańska-Ponikwia K. Emotional intelligence and language-dependent emotional perception among bilinguals // Journal of Psycholinguistic Research. 2024. Vol. 53. № 2. P. 281 – 295.
10. Purpuri Silvia, Mulatti Claudio, Filippi Roberta, Treccani Barbara Inside the kaleidoscope: unravelling the “feeling different” experience of bicultural bilinguals // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1376076.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
2. Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G., Savelyeva O.A. Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2019. No. 1. P. 174 – 194.
3. Alqarni Nawaf Mohammed, Dewaele Jean-Marc. Bilingualism and emotional competence: evidence from Saudi Arabic-English speakers. International Journal of Bilingualism. 2018. Vol. 22. Issue 5. P. 530 – 546.
4. Caldwell-Harris Catherine L. Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications. Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Article 1055.
5. Costa Albert, Foucart Alice, Hayakawa Sayuri et al. Your morals depend on language. Public Library of Science ONE (PLoS ONE). 2014. Vol. 9. Issue 4. Article e94842.
6. Gianola Michael, Llabre Maria M., Losin Emily A.R. Language dominance and cultural identity predict variation in self-reported personality in English and Spanish among Hispanic/Latino bilingual adults. Journal of Personality Assessment. 2025. Vol. 107. Issue 3. P. 361 – 373.
7. Hong Ying-yi, Morris Michael W., Chiu Chi-yue, Benet-Martínez Veronica Multicultural minds: A dynamic constructivist approach to culture and cognition. American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 7. P. 709 – 720.
8. Matsumoto David, Hwang Hyisung S. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions. Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. No. 1. P. 134 – 153.
9. Ożańska-Ponikwia K. Emotional intelligence and language-dependent emotional perception among bilinguals. Journal of Psycholinguistic Research. 2024. Vol. 53. No. 2. P. 281 – 295.
10. Purpuri Silvia, Mulatti Claudio, Filippi Roberta, Treccani Barbara Inside the kaleidoscope: unravelling the “feeling different” experience of bicultural bilinguals. Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1376076.

Информация об авторе

Алыбин Е.А., аспирант, Московская международная академия, lampra123@bk.ru

© Алыбин Е.А., 2025